

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Любови Валерьевны Пузырёвой

“Значение и функции частного в романах Ф.М. Достоевского”,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических
наук (специальность 10.01.01 - русская литература)

Диссертационное исследование Любови Валерьевны Пузырёвой представляет собой стройное, последовательное, методологически выверенное сочинение. Стоит отметить, что в центре внимания диссертанта находится поэтика детали в творчестве Ф.М. Достоевского, - тем более деталей из тематической группы “еда”, - что уже само по себе заслуживает одобрения. Достоевский традиционно не воспринимается как писатель, интересующийся застольями, да и вообще как автор, прорабатывающий мелкие детали, напротив, он “романист-идеолог”). Любовь Валерьевна успешно демонстрирует научную недостаточность подобных суждений: “Частности не только выполняют номинативную функцию, обозначая подробности быта и мельчайшие внешние проявления жизни. Они являются носителями идей. Обладая способностью порождать смысловые ореолы, частные мотивы и составляющие их более мелкие структурные элементы (темы и образы) формируют семантические поля...” (С. 64). Такое понимание деталей у Достоевского представляется невероятно точным. У этого автора, действительно, “частности” не только средства детального изображения внутреннего мира, но скорее персонажи, вовлеченные в сюжет (к сожалению, осталась неучтенной замечательная статья А. Слонимского “Вдруг” у Достоевского // Книга и Революция. № 8(20), 1922, которая была бы весьма полезна для Любови Валерьевны). **Актуальность** данной работы не вызывает у нас сомнений.

По своей композиции диссертация делится на традиционные Введение, три главы (теоретическая - “Семантика частных в романах Ф.М. Достоевского” и две практические “Анализ частного в романах Достоевского на внутритекстовом уровне”, “Частности в повествовательных структурах романов Достоевского”), Заключение и Библиографию. В данном случае такая композиция не элемент сколярского традиционализма, но абсолютно оправдана. **Диссертация прекрасно выстроена и опирается на четко продуманную методологию** (см. развернутое описание метода на С. 46 - 59). Вообще, подчеркнем еще раз: редко попадаются кандидатские диссертации (тем более в области истории литературы) с таким скрупулезным вниманием к мета-исследовательскому уровню. С объяснением метода и его апологией связана первая глава. Впоследствии Любовь Валерьевна демонстрирует роль деталей из тематической группы “еда” в конструировании сюжета (вторая глава) и в конструировании образов (третья глава).

Естественно, как в любой работе, присутствуют шероховатости. Например, присутствует смешение “терминологических времен”. На С. 18 мы читаем: “Мы... опираемся на точку зрения А.Н. Веселовского, который определял мотив как *простейшую повествовательную единицу* <...>. Подчеркнем, что само определение мотива как единицы не просто текста, а повествования предполагает способность такой единицы служить для выражения событийности, предикативности, а значит - соотнесенность мотива с глагольными категориями”. Между тем, в ту эпоху современного понятия “повествование” еще не было (разграничение “фабулы” и “сюжета”, из которого впоследствии родится разделение “истории” и “речи” - повествования, дискурса - предложат

формалисты почти через 20 лет после смерти Александра Николаевича). Для Веселовского “повествование” - еще синоним “сюжета”, так что мотив - минимальный повторяющийся участок последнего. Диссертант весьма осовременивает А.Н. Веселовского, прочитывая его через более поздние работы. Было бы желательно, работая с отдаленными во времени статьями, вкладывать в них тот объем смысла, который органичен для эпохи написания, а не вчитывать в их понятия значения, характерные для современного литературоведения.

Отметим здесь же и иные странности. Роберт Бэлнеп - прекрасный славист, специалист по Достоевскому, один из видных деятелей Международного общества Достоевского. Однако все-таки не ведущий теоретик в области проблем наррации. Поэтому когда мы читаем “...основой методики нашего исследования послужила методика Р. Бэлнепа <...>. По Р. Бэлнепу, структурная модель романа состоит из четырех взаимосвязанных более частных структур: внутритекстовой..., исторической..., линейной... и повествовательной” (С. 34), то сталкиваемся с недоумением: описанное - не новация Роберта Бэлнепа, а традиционная для современного западного литературоведения дискурсивная модель наррации. Если же соискатель основывается на нарративной “теории дискурса”, то почему выпущена центральная из существующих на русском языке работ подобного типа - “Нарратология” Вольфа Шмида (М., 2003)? Где монографии Валерия Тюпы за несколько последних десятилетий? Но в целом такие библиографические неудачи - сущие “частности” по сравнению с тем, что соискателю, действительно, удалось сделать.

Среди несомненных плюсов работы: а) выявление новой мотивно-тематической группы (“еда”) в романном наследии

Достоевского, описание роли данных мотивов в сюжете; б) демонстрация “символизации реального”, с регулярностью происходящей в романах Достоевского (С. 42); в) выделение “мотивной рифмы”, пронизывающей романы Достоевского и связывающей их в единый тематический корпус (С. 83); г) обнаружение синкретизма героя и его вещевого атрибута (Федька Каторжник - мясо, С. 80); д) демонстрация роли мотива “поглощения” в творческой системе Достоевского (С. 81); е) обнаружение глубинного параллелизма между сюжетным взаимодействием героев и их гастрономическими предпочтениями (С. 94) или действиями (С. 89). Это - лишь ряд находок, к которым в принципе невозможно придраться.

Указанные моменты еще не становились предметом последовательного изучения, а по существу - вообще не были описаны в науке. Однако они не просто расширяют наше знание о творчестве Достоевского фактами из пропущенной исследователями мотивно-тематической группы (“еда”), - открытие этой группы и ее роли в поэтике Достоевского уже само по себе **значительный личный вклад** соискателя. Важнее, что диссертант находит в романах Ф.М. Достоевского архаичную топику (“Федька... и поглотитель... и слуга, раздувающий и настаивающий самовар для Кириллова”, С. 94) и демонстрирует особое поэтологическое значение рудиментов архаики (в которой - *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 211 - “...создается стабильная характеристика раба-слуги, обжоры, шута - персонафикации еды, паразита, повара”). Полученные результаты, таким образом, отлично поддерживают концепции Михаила Бахтина или Елиазара Мелетинского (см.: “Заметки о творчестве Достоевского”). В работе присутствует существенная **новизна**. Тем не менее более

серьезный учет работ Ольги Фрейденберг, введение исследований Люсьена Леви-Брюля (“Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении”) позволило бы точнее увидеть корни явлений, с успехом выделенных Любовью Валерьевной.

Всегда лестно заметить себя в окружении Михаила Бахтина, Николая Бердяева, Владимира Набокова, Владимира Соловьева и Вячеслава Иванова (С. 3 - 4), однако, в заключение отметим несколько весьма дискуссионных аспектов настоящей диссертации.

Во-первых, заглавие, которое представляется нам довольно неудачным (“Значение и функции частного...”). Между тем, слово “частное” давно используется в математике, где указывает на результат деления, - и общеизвестно именно в данном значении. Стоило ли использовать данное слово, да еще и в заглавии? Тем более что стоящее за ним очень напоминает термин “деталь” (ср.: “...первостепенную роль в художественных произведениях Достоевского играют идеи и поэтому описание частных, бытовых подробностей в его романах как самоцель едва ли возможно - частности выполняют некую вспомогательную роль”, С. 6 - 7). Тем более что сам автор диссертации на протяжении работы слово “частное” (и его формы) почти не использует, заменяя на “частность”. Кажется, что в приписанном слову значении “частное” лишь сбивает читателя.

Во-вторых, проблема Бахтина и его концепции. На С. 37 мы читаем: “Методологической основой понимания специфики художественного мира Достоевского стали для нас классические труды Вяч. Иванова, Н.А. Бердяева и М.М. Бахтина” (С. 37). К сожалению, порой необходимо выбирать и смягчения типа “первостепенное значение имеет точка зрения Вяч. Иванова” (С. 37) недостаточны. Концепции

“романа-трагедии” (Вяч. Иванов) и “полифонического романа” (Мих. Бахтин) не просто разные - они контрадикторные. Поэтому когда диссертант принимает мысль Вяч. Иванова, что “...малейшие частности... подчинены, прежде всего, малому единству отдельных перипетий рассказа, а эти перипетии... являются железными звеньями логической цепи, на которой висит, как некое планетное тело, основное событие, цель всего рассказа...” (С. 45), то диссертант принимает наличие “рамы” в творчестве Достоевского, то есть принимает структуру, отсутствие которой постулировал Мих. Бахтин, вводя понятие “полифонического романа”: “Не множественность судеб и жизней в едином объективном мире в свете единого авторского сознания разворачивается в его произведениях, но именно *множество равноправных сознаний с их мирами* сочетаются здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события” (Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. .т. 2. М., 2000. С. 12). Случай кьеркегоровского “или” - “или”. Или рама есть, или ее нет. Причем сам Мих. Бахтин знал об этом “или” - “или”: “Но этого Вячеслав Иванов не сделал. <...> несмотря на ряд ценнейших наблюдений, он все же воспринимает роман Достоевского в пределах монологического типа” (Там же. С. 17).

Можно ли основываться на концепции Вяч. Иванова? - Можно. Но в этом случае следует спорить с Мих. Бахтиным.

Наше третье дискуссионное суждение теснейшим связано со вторым. Трагедия - жанр абсолютно серьезный, изображающий конфликт совершенного героя с роком. Восприятие романов Достоевского как романов-трагедий ведет к оценке их как абсолютно серьезного рассказа. Так - у Вяч. Иванова, так - и в настоящей

диссертации. Однако разве романы Достоевского не искрятся юмором? Осуждение старца Зосимы за то, что он “конфетою прельщался” (С. 67); ситуация, когда в монастыре подают мороженое (С. 68); зависть старца Ферапонта к умершему Зосиме, что над ним поют “Помощника и покровителя” (С. 81); упреки Федькой Каторжником Верховенского в безбожии (С. 81); жажда революционеров спасти мир до такой степени, что они начинают кусаться то за ухо, то за плечо, то за палец - эти сцены прежде всего смешны. Попытки интерпретировать в серьезном тоне предстают весьма манерными: “Странные случаи с укусами говорят о нелепости предпринимаемых в одиночку полубезумными революционерами инстинктивных действий. В глазах окружающих эти действия выглядят так же дико, как и укус одним человеком другого” (С. 87). Однако в тексте укус - не гипотеза, не сравнение - они действительно кусаются. За укусами вряд ли прямо-таки и стоит такая четкая, сформулированная идея “социализм сводит с ума → революционер = сумасшедший = бешеный (С. 119) → революционер кусается”. Просто претендующие на роль революционеров несамотождественны, а потому попадают в смешные ситуации, ибо смех и являет отсутствие тождества между самосознанием героя, его обликом, его действиями и т.п. Когда Ракитин называет себя “тлѣй перед дворянами”, то он все-таки не просто “...подчеркивает свое зависимое, подчиненное положение во взаимоотношениях со стоящими выше на социальной лестнице” и уж тем более не “приписывает себе роль пищи” (С. 117) - дворяне тлю не едят. Он проявляет свою несамотождественность: с одной стороны, унижается до тли, с другой - тля насекомое, которое всё съедает. Отсутствие тождества невозможно в трагедии, но возможно в фарсе, в пантомиме... Ракурс видения героя, ракурс видения автора сталкиваются

в этой характеристике, не вытесняя один другим. Такие двоечения, амбивалентность, игры с точками зрения не позволяют увидеть и адекватно оценить само восприятие романов Достоевского как скрепленных железными звеньями логической цепи, где "...все частности подчинены описываемому в произведении основному событию и служат для раскрытия его многозначного содержания" (С. 45).

Кстати, о смешном у Достоевского независимо от Мих. Бахтина много и интересно говорил в 1931 - 32 гг. Оскар фон Шульц ("Светлый, жизнерадостный Достоевский". Петрозаводск, 1999), наверно, его работу тоже стоило бы учесть.

Ситуация, когда научная работа вызывает желание спорить, когда исследование оставляет читателя с серьезными, часто методологическими вопросами, свидетельствует только в пользу диссертанта и написанного ею диссертационного сочинения. У нас нет сомнений, что в целом диссертация выполнена на очень достойном уровне. Работа опирается **на широкую и авторитетную библиографию**, детально продумана по своей структуре, методологична, а потому полученные **выводы вполне обоснованы и достоверны**. Автореферат и публикации в полной мере отражают содержание диссертационной работы.

Таким образом, диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития литературоведения, и соответствует требованиям пункта 9-14 Положения "О порядке присуждения ученых степеней".

Полагаем, что Любовь Валерьевна Пузырева, бесспорно, заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы
ГАОУ ВПО «Московский государственный
областной социально-гуманитарный институт»

Г.С. Прохоров

Проректор по научной работе ГАОУ ВПО МГОСИ,
дфмн, проф.

С.П. Хэкало

Прохоров Георгий Сергеевич (prokhorov_goscha@mail.ru; тел. +7(926)-121-19-87), доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы ГАОУ ВПО «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» (140410 Коломна Московской обл., ул. Зеленая, д. 30; тел. +7(496)615-13-30).